

А. Мустояпова^{1*}, Ж. Абдигабарова²

¹Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан

²Назарбаев университет, Астана, Казахстан

(¹e-mail: mustoypova2017@gmail.com, ²e-mail: zhabdigapar@nu.edu.kz)

Образ женщины: сравнительный анализ романов Мыржакыпа Дулатова «Несчастливая Жамал» и Такэо Арисимы «Женщина»

В данной статье осуществляется сравнительный анализ образов главных героинь романов Мыржакыпа Дулатова «Несчастливая Жамал» и Такэо Арисимы «Женщина» с целью выявления типологических сходств и различий. Особое внимание авторы уделяют историческому, социальному и культурному контексту, в котором создавались анализируемые произведения. Кроме того, акцент сделан на публицистической деятельности романистов, отражающей их мировоззренческую и творческую позицию, что позволяет глубже понять замысел романов и интерпретировать образы главных героинь. Цель исследования заключается в определении общих и специфических черт, присущих романам «Несчастливая Жамал» М. Дулатова и «Женщина» Т. Арисимы, через призму образов главных героинь. Для достижения данной цели рассматриваются особенности культурно-исторического контекста, выявляются совпадения и различия во взглядах, социально-этических представлениях авторов, определяется степень влияния модернизации общества и европейской литературы на их творчество, а также исследуются типологические параллели и расхождения в трактовке женской темы. Методы исследования включают компаративистский, культурно-исторический и историко-функциональный подходы, контекстуальный анализ, а также семантический, интерпретационный и гендерный методы. Это позволяет проанализировать функционирование литературы в определённый исторический период и раскрыть семантику образов главных героинь исследуемых романов. Актуальность работы определяется важностью изучения литературных связей между национальными литературами, выявления общего и уникального в их историческом развитии. Статья расширяет представление о закономерностях влияния социокультурного контекста на развитие литературных жанров, тем и проблематики произведений писателей, творящих в разных странах, но в схожих культурно-исторических условиях. Научная новизна данной статьи заключается в осуществлённом сравнительном анализе романов двух авторов, стоящих у истоков зарождения новых национальных литератур в период радикальных социальных перемен, смены культурной парадигмы, изменения национальной идентичности. Использование новых тенденций современного сравнительного литературоведения позволило раскрыть новые грани анализируемых романов. Результаты исследования показали плодотворность компаративистского анализа для определения не только фактов типологического сходства, но и более определённого освещения своеобразия обоих романов, специфики литературного процесса в Японии и Казахстане и протекающего процесса модернизации социума в начале XX века. Результаты предпринятого в статье анализа могут быть применены для дальнейшей разработки проблемы литературных связей в рамках компаративистских исследований.

Ключевые слова: модерн, эмансипация, новаторство, типологическое сходство, вариативность.

Введение

В статье осуществлён сравнительный анализ романов Мыржакыпа Дулатова «Несчастливая Жамал» [1] и Такэо Арисимы «Женщина» [2], созданных в начале XX века в схожих исторических, культурных, социальных условиях. Эпоха модерна, вызвавшая социальные, ментальные изменения в обществе, исторические события, культурные влияния, рост периодической печати стали теми условиями, которые привели к трансформации японской и казахской литератур. Сравнительное литературоведение особое внимание уделяет не только сопоставляемым текстам, но и контексту. Основанием для сравнения названных произведений является тот факт, что в конце XIX века — начале XX века и Япония, и Казахстан оказались вовлечёнными в модернизационные процессы, которые включали знакомство с европейской культурой, получение европейского образования. Исторический, культурный контексты начала XX века позволяют обнаруживать схожие тенденции в развитии новой литературы в Казахстане и Японии.

* Корреспондент-автор. E-mail: mustoypova2017@gmail.com

Выбор для сравнения романов М. Дулатова (1885–1935) и Т. Арисимы (1878–1923) обусловлен тем, что они жили в переломную для своих стран эпоху, были носителями просветительских идей, ратовали за современное образование, выступали за эмансипацию женщин, отстаивая свои взгляды в публицистике и художественной литературе. Замыслы романов и их создание происходило не только в схожих культурно-исторических условиях, но и в одно время. Роман «Несчастливая Жамал» М. Дулатова был опубликован в 1910 году, а роман «Женщина» Т. Арисимы вышел в свет в двух частях: первая часть публиковалась в журнальном варианте в 1911–1913 годах, вторая — в 1919 году. Обращение обоих романистов к актуальным социальным вопросам (положение женщины, проблема брака, ценность образования и др.) обусловило общность тематики и проблематики анализируемых романов. Это обстоятельство позволяет обнаруживать в них типологические схождения, аналогии и соответствия.

Сравнительный анализ предполагает анализ не только типологических схождений, но и различий, обусловленных самобытностью культур, национальных характеров, позицией автора. Основой различий становится разница в условиях, в которых происходила модернизация общества: в Японии она стала следствием открытия страны в 1868 году и нашла воплощение в Реставрации Мэйдзи, тогда как в Казахстане модернизация совпала с усиливающейся колонизацией и обусловила формирование просветительского, антиколониального по своему характеру движения джадидов. Эти обстоятельства определили своеобразие типов главных героинь анализируемых произведений, авторских позиций и решения основного конфликта романов.

Обзор научной литературы позволяет заключить, что как творчество обоих романистов, так и литературная ситуация начала XX века продолжают привлекать внимание современных исследователей. Так, А.С. Исмакова отмечает новаторство М. Дулатова в создании нового для казахской литературы жанра романа [3]. Б.Б. Мамраев [4] исследует начало XX века как важный для новой казахской литературы период. З.Г. Бисенгалиев [5] и А. Азмуханова [6] отмечают роль в развитии казахской прозы 1910-х годов журнала «Айкап», в котором публиковался М. Дулатов. Просветительские идеи движения джадидов исследуются в трудах М.А. Жолсеитовой, Ш.В. Сембиевой [7], Е. Жомарт, А.М. Азмухановой [8] и др. Общности задач реформ Мэйдзи и казахского просвещения джадидов посвящена статья Е. Байдарова и А. Бекебасовой [9]. Творчеству Т. Арисимы и его роману «Женщина» посвятили свои исследования Л. Мортон [10], П. Андерер [11], Н.И. Чегодарь [12]. Эпоха модерна в японской литературе стал предметом исследования Н.М. Липпит [13], Р.М. Грум [14], о влиянии христианства на японскую модернистскую литературу пишет Р. Сутер [15]. И. Шин анализирует отраженную в романе Т. Арисимы культурную зависимость японцев от западной культуры и проблему идентичности [16]. А.О. Забережная [17] исследует значение литературного объединения «Сиракаба», одним из основателей которого был Т. Арисима.

Анализ, осуществленный в данной статье, отличается предметом исследования, а именно определением типологических схождений и различий в постановке проблемы женской эмансипации М. Дулатовым и Т. Арисимой.

Актуальность работы определяется важностью изучения литературных связей между национальными литературами, выявления общего и особенного в их историческом развитии. Подобные исследования расширяют представление о закономерностях влияния социокультурного контекста на развитие литературных течений, жанров, тем, проблематики произведений писателей, творящих в разных странах, но в схожих исторических условиях.

Цель исследования заключается в определении сквозь призму образов главных героинь общих и специфических черт, свойственных романам «Несчастливая Жамал» М. Дулатова и «Женщина» Т. Арисимы, а также в анализе причин, условий, которыми обусловлены их типологические схождения и различия. Достижение поставленной цели обеспечивается решением следующих задач: определить исторический, социальный и культурный контекст; выявить общее и различия во взглядах и социально-этических представлениях М. Дулатова и Т. Арисимы; установить степень влияния европейской культуры и литературы на романистов; исследовать сходства и различия в освещении женской проблематики.

Научная новизна данной статьи обусловлена проведенным сравнительным анализом романов двух авторов, выступивших новаторами в казахской и японской литературах в период глубоких социальных преобразований, смены культурной парадигмы и переосмысления национальной идентичности.

Материал и методы исследования

Материалом исследования стали романы «Несчастливая Жамал» Мыржакыпа Дулатова и «Женщина» Такэо Арисимы, а также труды исследователей, посвященные литературному процессу начала XX века в Казахстане и Японии. Кроме того, в исследовании использованы работы ученых, анализирующих современное состояние и проблемы сравнительного литературоведения, которое претерпевает трансформации под влиянием критики евроцентризма, акцента на одностороннем культурном влиянии и иерархического подхода к литературным взаимосвязям, предполагающего ранжирование национальных литератур. Это обстоятельство обусловило обращение к работе Г. Ч. Спивак «Смерть дисциплины», в которой она видит перспективы нового сравнительного литературоведения в его обращении к «старым меньшинствам: африканскому, азиатскому, испаноязычному. Оно примет в свой размах новую постколониальность постсоветского сектора и особое место ислама в сегодняшнем лояющемся мире» [18; 84]. Значимым представляется тезис Ч. Ханя и В. Куана о важности при сравнительном анализе видеть различия, неоднородность, поскольку «неоднородность становится отличительной чертой в литературном сравнении между цивилизациями, и она показывает, что вариации неизбежны в процессе распространения литературы и интерпретации литературы среди разных наций и цивилизаций» [19]. Наконец, еще одна важная для авторов статьи отправная точка выражена в работе С.Т. Зепентек и Л.О. Васвари: «Сравнивать» не означает — и не должно — подразумевать иерархию... Внимание к другим культурам является базовым и основополагающим элементом и фактором структуры сравнительных культурных исследований» [20; 23].

В качестве методов исследования в статье использован компаративистский (сравнительно-исторический) анализ, который позволяет сопоставить две культуры и провести сравнительное изучение литературных явлений. Сравнительно-типологический метод позволяет выявить типологические сходства и различия в сюжетах, проблематике, образах романов «Несчастливая Жамал» и «Женщина».

Использование исторического подхода и контекстуального анализа обусловлено необходимостью изучать творчество авторов в историческом контексте и социокультурных условиях, что позволяет продемонстрировать влияние исторических событий, социальных явлений на развитие и состояние литературного процесса. Историко-функциональный метод необходим для исследования обусловленности романов литературным, культурным, социально-политическим контекстом. Культурно-исторический подход обеспечивает возможность рассмотрения образов женщин в свете происходящих культурных, ментальных перемен, переживаемых социумом.

Используемые в исследовании семантический и интерпретационный подходы обеспечили комплексность анализа образов главных героинь, а также авторской позиции. Обращение к гендерному подходу обусловлено типами главных героинь анализируемых романов, а также обращением авторов к проблеме женской эмансипации в патриархальных обществах.

Перечисленные методы и подходы обеспечивают сравнительный анализ необходимым научным инструментарием. В рамках данного исследования он включает выявление типологических сходств и различий в романах «Несчастливая Жамал» М. Дулатова и «Женщина» Т. Арисимы, а также анализ их социокультурной обусловленности.

Результаты и обсуждение

В своем исследовании мы отталкиваемся от осознания того, что сходные процессы и явления в национальных литературах не обязательно являются следствием культурного влияния. Гораздо продуктивнее размышлять об универсальных исторических, социальных законах, которые порождают аналогичные следствия в культуре, тем самым создавая основу для сравнения и поиска типологических сходств. При этом обнаруживаются и различия, обусловленные национальными культурами, традициями, нравами. Схожие исторические условия в разных культурах порождают не только сходные явления и реакции, но и их вариативность, что позволяет говорить об универсальном и локальном, об общем и специфическом в художественном осмыслении и отражении действительности.

Сознательно выбирая для сравнения авторов и литературы, не оказавшие явного влияния друг на друга, мы сосредотачиваем внимание на том, какие сходства и различия могут быть обусловлены общими социально-историческими условиями — в частности, эпохой модерна, вызвавшей трансформацию традиционалистских обществ. К данному случаю подходит замечание К. Гильена: «Когда явления или процессы, которые генетически независимы или принадлежат разным цивилизациям, объе-

диняются для изучения, такое исследование может быть оправдано и проведено в той степени, что подразумеваются общие социально-исторические условия... Концептуальная структура имеет преимущественно исторический характер, хотя предполагается определенное теоретическое осознание связи между социальными изменениями и литературными изменениями...» [21; 70].

Рассмотрим исторический контекст и факторы, которые обусловили типологические схождения и вариации в образах главных героинь романов «Несчастливая Жамал» и «Женщина».

Переходный период от «закрытости» страны к освоению западной парадигмы в культуре, образовании, экономике, индустриальном производстве, нормах поведения в Японии совпал с эпохами Мэйдзи (1868–1912) и Тайсё (1912–1926). Этот период был отмечен стремительным развитием страны. Реставрация Мэйдзи делала упор на модернизацию сознания общества через систему образования, сформулировав основные задачи: «1. Образование должно обеспечивать успешное продвижение человека по социальной лестнице; 2. Функция школ состоит в том, чтобы прививать патриотические чувства каждому человеку; 3. Все японцы должны обучаться практическим наукам, что, в конечном счете, принесет пользу обществу и поможет построить современное государство» [9; 26]. Важными вехами в истории этого периода стали для японцев победы в Первой японо-китайской (1894–1895) и русско-японской (1904–1905) войнах. Эти военные победы и экономическое развитие страны воодушевили японцев и убедили их в правильности выбора пути развития по западному образцу.

В Казахстане эпоха модерна проходила одновременно с усиливающимся процессом колонизации, что обусловило специфику задач, стоящих перед казахским обществом. Модернизация в начале XX века для казахов подразумевала не только развитие образования, освоение новых методов хозяйствования, но и сопротивление колониальной политике царизма, развитие антиколониального мышления, борьбу за политические права, отстаивание прав на получение образования на казахском языке, развитие печати и религиозную свободу. «Коренные изменения, происходящие в Казахстане особенно интенсивно в начале XX столетия, вызывали к жизни бурный рост числа школ, училищ, медресе, появление газет и журналов на казахском языке, продолживших традиции казахских педагогических изданий XIX века...» [4]. Б.Б. Мамраев отмечает: «Особенностью общественно-политического, социально-культурного развития Казахстана начала столетия является то, что значительная часть просветителей стала лидерами антиколониального, национально-освободительного движения казахского народа» [4; 20]. Казахские просветители ориентировались не только на пример западных стран, но и обращали свои взоры на страны Востока. В частности, в начале века они обратили внимание на развитие Японии, видя в ней образец успешного быстрого перехода от патриархального общества к современному. В письме другу осенью 1904 года Х. Досмухамедов писал: «...этот народ (казахи. — Авт.) способен к труду, к прогрессу, что и он, может быть когда-нибудь займет в мировом господстве одно из почетных мест, что и он может сделаться второй Японией» [22; 119–120]. А.Ж. Акбаев на митинге 1905 года упомянул Японию, отметив, что «Россия бедна, и ей не следует еще и воевать с Японией» [23]. Кроме того, прогрессивные казахи были воодушевлены русской революцией 1905 года и убеждены в необходимости широкого просвещения народа.

На рубеже XIX–XX веков все большую популярность приобретает исламское просветительское движение, получившее название джадидизм. В рамках этого движения создавались новометодные школы, включавшие в программу обучения светские предметы. Джадидизм как просветительское движение имел антиколониальную направленность. Как отмечают Е. Жомарт и А.М. Азмуханова, казахское просветительство базировалось не только на европейских образцах, но и на национальной самобытности, прогрессивном исламе и проекте модернизации. Исследователи подчеркивают роль джадидизма в сопротивлении колониальной политике через просвещение [8]. Джадиды уделяли большое внимание образованию девочек, правам женщин, видя в этом важный фактор модернизации общества. М.А. Жолсеитова и Ш.Б. Сембиева отмечают: «В конце XIX и начале XX веков колониальная и христианизационная политика царской России в Казахстане получила дальнейшее развитие, царское правительство изучало психологию, поведение и обычаи народа, разрабатывало стратегические рамки и тактические приемы русификации» [7; 30]. В этих условиях просветительское движение джадидов стало способом противостояния культурной ассимиляции казахов, путем сохранения языка, религии, национальной идентичности.

Совсем иначе обстояло дело в Японии, где христианство пользовалось популярностью и рассматривалось как одно из важных составляющих востребованной западной культуры. Р. Сутер пишет: «Христианство стало метафорой модернизации, культурных переговоров и современных властных отношений в период Тайсё» [15; 5]. Европейски образованные японцы часто принимали христи-

анство. В их числе был и Такэо Арисима, который увлекся христианством, затем пережил период разочарования в нем. Тема христианства затронута им в романе «Женщина». К этой теме обращались в своем творчестве многие японские писатели начала XX века: С. Тосон, Х. Китахара, М. Рофу, Я. Ботё, Т. Кагава и др.

И казахи, и японцы, являясь восточными народами, испытали западное влияние. И этот фактор актуализирует ориенталистский дискурс. Рассматривали ли они как безальтернативный западный путь? Для казахов состояние колониальной зависимости и сопротивление ей служило поводом для поиска своего пути и опоры на внутренний потенциал народа. И те, кто ратовал за заимствование западного образования, и те, кто придерживался патриархальных взглядов, одинаково исходили из стремления сохранить национальную культуру, язык, религию. В то время как для политически независимой Японии все западное представляло интерес и предмет активного заимствования. Лишь теряя национальную самобытность под влиянием иностранного и часто его некритическим заимствованием, японцы озадачились вопросами сохранения национальной самобытности. Япония находилась в ментальной зависимости от запада, особенно молодежь и творческие люди. Это выражалось в стремлении подражать европейцам и американцам в поведенческих нормах, одежде, религии и т.п. В Японии, как отмечает Р. Сутер, «реакции на ориенталистский дискурс и на западное представление о себе в более широком смысле были неоднозначными. С одной стороны, сторонники модернизации и вестернизации исповедовали европоцентристское видение мира и стремились позиционировать Японию на стороне прогрессивного и могущественного Запада, а не на стороне отсталого и угнетенного Востока» [15; 4]. Р. Сутер отмечает, что с раннего этапа заимствования и подражания Западу высказывались три антизападные позиции: превзойти Запад в его собственной игре; приобретать западные технологии и при этом сохранять восточную мораль; повторно открыть японские или, шире, азиатские ценности против вестернизации [15]. Ближе к 1910-м годам, когда в Японии появилось поколение молодых людей, получивших западное образование, всё активнее дискутировался вопрос о границах космополитизма и угрозах, которые он представлял для национальной идентичности. Возникла тревога по поводу «потери культурной чистоты», и отмечается, что «официальный дискурс во многом формировался под влиянием стратегий самоопределения Японии по отношению к Западу в целом и к дискурсу ориентализма — в частности» [15; 2].

Как видим, одинаковый ориентир на западную культуру, модернизацию и широкое просвещение привел японцев и казахов к разным вариантам и степени заимствования. Социально-исторические условия, а именно колонизация и активная переселенческая политика обусловили стремление казахов сохранить свою национальную идентичность, религию, язык. Сопротивление чрезмерному увлечению иностранным языком стало следствием насильственного внедрения чужого языка в делопроизводство и определённого типа властных и социальных отношений. Поэтому у казахов срабатывал защитный механизм, выраженный в стремлении под натиском ассимиляции сохранить свою культуру. Модернизация касалась вопросов образования, прав и свобод, что использовалось казахами как средство борьбы с колониальными практиками.

В период написания романов М. Дулатов и Т. Арисима уже имели сформировавшиеся взгляды на многие социальные проблемы, которые излагали в публицистических статьях. Эти взгляды найдут художественное воплощение в романах «Несчастливая Жамал» и «Женщина». Ознакомление с позицией авторов по актуальным вопросам помогут понять их выбор темы, проблематики и образов главных героинь романов.

В своих публицистических работах М. Дулатов поднимал острые социальные проблемы, касающиеся не только произвола колониальных властей, но и косности, невежества общества. Большое внимание он уделял вопросам развития литературы, печати и образования. Резкость его публикаций была обусловлена колониальным положением народа, и поэтому многие проблемы воспринимались острее, чем в Японии, где разочарование прогрессивных людей было связано с незавершенностью реформ эпохи Мэйдзи. В 1907 году М. Дулатов попытался издавать в Санкт-Петербурге газету «Серке» в виде приложения к татарской газете. В первом номере он обратился с воззванием «К молодежи!», призывая спасти народ от колониальной зависимости; во второй номер он подготовил статью антиколониальной направленности — «Наша цель». После этого «Серке» была запрещена властями. За год до публикации романа «Несчастливая Жамал» М. Дулатов издал сборник «Проснись, казах!» (1909), призывая народ к переменам. После выхода в свет романа «Несчастливая Жамал» М. Дулатов продолжил писать статьи и стихи, став автором первого общественно-политического и литературного журнала «Айқап» (1911–1915 гг.). А. Азмуханова пишет о либерально-

демократической направленности авторов журнала: «Интеллигенция джадидского толка... повела борьбу за обновление всех сфер жизни. Вместе с тем новая тюркская элита понимала важность отстаивания этнокультурной самобытности, языка и конфессиональной свободы... в большинстве публикаций содержится пропаганда обновления, реформ, качественной перестройки жизненного уклада, а также менталитета, стереотипов сознания народа в духе джадидизма... На страницах «Айкапа» характерная для джадидизма проблема традиции и реформаторства, сопряженная с критикой отживших обычаев (а нередко просто привнесенных невежественными толкователями религии и традиции) получала конкретное освещение в содержании таких тем, как состояние старых мусульманских школ, ... положение женщины-казашки и др.» [6; 87]. В 1913 году М. Дулатов стал одним из основателей газеты «Казах» (1913–1918). Газета откликнулась на все актуальные для общества проблемы, способствовала распространению европейской науки и искусства. В год основания газеты был проведен конкурс на лучший роман, чтобы популяризовать этот жанр литературы.

Т. Арисима, увлекшись идеями христианства, пережил кризис идентичности, что нашло отражение в романе «Женщина». В доме родителей он впитал традиционные конфуцианские ценности. Затем отец, человек прогрессивных взглядов, видевший в западном образовании путь к успеху как Японии, так и своего сына, дал Такэо «прогрессивное образование, разработанное специально для людей из привилегированного окружения, которые могли максимально использовать возможности, предоставленные процессом вестернизации Мэйдзи» [14; 59]. В Миссионерской школе Т. Арисима познакомился с христианством. Он долгое время находился в поиске себя, определял свою новую идентичность. Р.М. Грум пишет о том, что «Арисима чувствовал, что пришло время, как и многие другие интеллектуалы, отправиться на Запад, чтобы глубже узнать, кем он был, и испытать в домашней обстановке все те западные аспекты, которые проникли в Японию» [14; 72]. Поиски себя займут годы. Т. Арисима разочаруется в христианстве и увлечется идеями социализма. Он так и не обретет внутреннюю гармонию и уйдет из жизни добровольно.

В период работы над романом «Женщина» Т. Арисима стал одним из основателей литературного объединения «Сиракаба», издававшего одноименный журнал (1910–1923). В журнале публиковались работы молодых японских литераторов и переводы произведений западных авторов. О.А. Забережная отмечает: «Произведения Арисимы оказываются ближе к европейской прозе и по содержанию, и по средствам выразительности, нежели тексты других сиракабовцев, а его стиль называют западным и «экзотическим» для японской литературы» [17].

Учитывая литературный контекст, становится очевидным выбор обоих романистов жанра европейской литературы — романа. Допустимо говорить и о значительном влиянии европейской литературы, и о роли национальной литературной традиции в творчестве обоих писателей.

Т. Арисима создавал роман «Женщина», вступив в полемику с популярным в Японии натурализмом и эго-романом (Я-роман). Н.М. Липпит отмечает, что «недовольство Я-романом также подстегнуло аргументы в пользу хонкаку сёэцу (ортодоксального романа), образцом которого были произведения европейского, английского и русского реализма» [13]. Т. Арисима считал себя реалистом. При этом в его романе «Женщина» присутствует исповедальность, обусловленная стремлением героини разобраться в себе, своих переживаниях. Как нам видится, хотя Т. Арисиму считают очень западным для японской литературы писателем, в его романе присутствуют черты японской литературной традиции. Повествовательная манера близка художественному приему «дзуй-хицу» (вслед за кистью), когда автор фиксирует происходящее. Части романа, посвященные размышлениям героини, изображению ее настроения, чувств, близки спонтанной прозе и носят исповедальный характер. Следует упомянуть и традиционный японский жанр «никки» (дневниковые записи, путевые записки), считающийся преимущественно женским жанром. И, хотя героиня романа Т. Арисимы, не ведет дневника, ее видение происходящих событий напоминает именно дневниковые записи, фиксирующие ежедневные события (например, во время долгого путешествия на корабле), впечатления от встреч с людьми, размышления о жизни, себе, передача настроения и его перепадов.

Эпоха модерна в Казахстане вызвала быструю трансформацию литературного процесса. Шло освоение европейских жанров литературы. Написав «Несчастную Жамал», М. Дулатов создал первый казахский роман. Очевидно влияние европейских литератур, поскольку жанра романа в казахской литературе не существовало. При этом можно говорить о том, что без уже имеющейся литературной традиции освоение жанра романа заняло бы гораздо более значительный период. А. С. Исмакова, отмечая важность внутренних ресурсов самой казахской литературы для развития новых жанров, видит истоки романа в таких жанрах, как толғау с его лиро-эпическим началом. Исследователь пишет: «Де-

ло в том, что в казахской литературе еще в толгау сложилась необходимость социального анализа и осмысления событий» [3, 135]. Говоря о процессе освоения жанра романа, А.С. Исмакова справедливо считает, что «в казахской словесности процесс этот был подготовлен еще и жанром устной народной прозы — әңгіме» [3, 144]. Әңгіме представляет собой повествование о человеке, его жизни, важных поворотных событиях в его судьбе. А.С. Исмакова приводит примечательный факт: «...сюжеты романов Дюма еще во время детства Абая рассказывались степными «әңгімеші», как необыкновенные «әңгіме» о дальних странах» [3, 134]. Т.е. за неимением переводов иностранной литературы на казахский язык, европейские романы пересказывались авторами әңгіме. Это подчеркивает родственность жанров романа и әңгіме, поскольку казахские авторы облекали европейские романы в наиболее близкую жанровую форму — әңгіме. З.Г. Бисенгалиев в качестве жанров, способствовавших интенсивному развитию литературы и публицистики, помимо әңгіме, называет предания и шежіре [5].

Сюжеты обоих романов — «Несчастливая Жамал» и «Женщина» — основаны на реальных событиях. М. Дулатов услышал историю о несчастной судьбе девушки, которая сделала смелый по тем временам выбор, послушавшись отца и пойдя против традиции. Находясь под впечатлением этой истории, М. Дулатов пишет роман и публикует его в 1910 году. Поднятая тема и образ девушки, решившейся сбежать с возлюбленным, не является новой для казахской литературы и фольклора. Однако М. Дулатов не просто создает историю любви, а подвергает анализу причины случившейся трагедии, создает портрет общества, который обрекает на гибель или безрадостную жизнь свою молодежь.

Л. Мортон сообщает, что Т. Арисима тоже услышал реальную историю «из первых рук от Мори, когда встретил его в Чикаго в сентябре 1903 года» [10; 109]. Написав роман, Арисима опубликовал его под названием «Взгляд на определенную женщину» в выпусках журнала «Сиракаба» в период с января 1911 по март 1913 года. Спустя несколько лет Т. Арисима дополнил роман, издав новую редакцию произведения в 1919 году под названием «Некая женщина». Можно заключить, что Т. Арисима не был удовлетворен открытым финалом романа (первой его части) или неправдоподобным счастливым соединением Йоко с возлюбленным. Поэтому он вернулся к повествованию, чтобы придать ему завершенность и семантическую полноту. Для японской литературы тема «новой» женщины не была нова, уже в конце XIX в. и в начале XX в. в художественной литературе рассматривалась проблема положения женщины в семье и обществе, изображался конфликт эмансипированного человека с патриархальным обществом.

Трагические судьбы героинь сравниваемых романов во многом обусловлены средой и периодом социального слома. Обе главные героини — Йоко и Жамал — происходили из обеспеченных семей, отличались красотой и гордостью, привлекали всеобщее внимание и получили образование: Йоко — в христианской школе, Жамал — дома, по новометодной системе джадидов. Обе восстали против традиционного брака, который заключался по выбору родителей. Жамал, будучи обрученной с глупым женихом, выбранным отцом, сбегает с возлюбленным Гали, но после его внезапной смерти вынуждена вернуться в родительский дом. Йоко, вопреки воле матери, выходит замуж по собственному выбору, но вскоре разочаровывается в муже и уходит от него.

Обращение писателей к теме брака неслучайно, поскольку она прямым образом связана с судьбой женщины в традиционалистском обществе. Следует упомянуть, что Т. Арисима сам имел опыт не очень успешного традиционного брака. «Арисима подчинился решению отца, который категорически возражал против женитьбы по европейскому образцу, полагая, что невеста должна быть выбрана родителями... Брак с самого начала не был удачным. Ясуко была моложе мужа на 11 лет и очень далека от него по воспитанию, интеллектуальному уровню и интересам» [12; 36]. Это произошло в 1909 году, т.е. за год до начала публикации романа, поэтому можно предполагать, что отказ героини подчиниться решению матери был продиктован горьким опытом самого Арисимы, не решившегося восстать против воли отца. М. Дулатов женился после публикации романа, в 1914 году, на образованной девушке Гайнижамал, которая была корреспонденткой газеты «Казах», разделяла взгляды М. Дулатова и его борьбу.

Одинаково трагическая судьба героинь романов Дулатова и Арисимы имела общие причины — положение женщины в традиционном обществе. Отец Жамал, Сарсенбай, соглашается отдать дочь за сына богатого Байжана — глупого Жумана. Для Сарсенбая этот брак становится частью сделки, в результате которой он рассчитывает получить поддержку на предстоящих выборах волостного судьи. После смерти возлюбленного Жамал возвращается в отчий дом, и Сарсенбай, опасаясь потерять своё положение и благополучие, выдаёт её замуж за сына Байжана. Таким образом, дочь становится това-

ром. М. Дулатов постоянно подчеркивает эту мысль в романе, например, когда сравнивает Жамал со скотом, полученным барымтой, — «барымтаға түскен малдай» [1; 41]. Жамал пишет в своих личных записях о том, что ее продали или обменяли, как товар: «Мен қайран атам малға сатқанына» [1; 19], «Мал беріп, мені өзімсіп жатқанына» [1; 20]. А в последнем послании она пишет о цене девушки — пяти трёхлетних кобылках — и о её продаже, словно на базаре: «Қыздың құны бес байтал, сатылып кетті базарға» [1; 43].

Йоко — главная героиня романа Т. Арисимы — тоже становится разменной монетой для матери. Мать дает свое согласие на брак дочери с человеком, который спас ее матери подмоченную репутацию. Мать видела возможность для Йоко вернуться в приличное общество после неудачного замужества только посредством другого брака. Так же, как и Сарсенбай расплачивается за свое честолюбие и глупость дочерью Жамал, мать Йоко расплачивается дочерью за свое сомнительное поведение. Идею о зависимом положении женщины в японском обществе Арисима сформулировал более определенно и жестко уже после выхода в свет романа. В статьях 1920-1921 годов он пишет о том, что «женщины превращены в рабынь мужчин», а брак определяет как «порождение репрессивного общества», «женщины, становясь сексуальными объектами, продают свою женскую сущность так же, как рабочие продают свою рабочую силу». Писатель «выступает против брака без любви и ратует за право развода для любого из супругов» [13; 47–49].

И Жамал, и Йоко решают бросить вызов своей семье, обществу, традициям. Романисты создают образы женщин переломной эпохи, которые еще не видят ясного пути, соответствующего их взглядам, самооценке, нередко они ищут решение в рамках тех возможностей, которые давало традиционное общество. Отсюда трагические финалы обоих романов. На этом типологические схождения анализируемых романов и героинь заканчиваются. Однако специфика, различия, вариативность дают гораздо больше возможностей увидеть своеобразие типов героинь, полнее осознать причины их трагедий.

Ч. Хань и В. Куан отмечают, что во избежание ранее существовавшей в сравнительном литературоведении практики считать одни национальные литературы основными, а другие — вторичными, «китайские ученые далее предложили парадигму «межцивилизационного исследования», которая придает более глубокий смысл перекрестной природе сравнительного литературоведения. Поскольку межцивилизационное исследование в основном фокусируется на сопоставимости различий в различных цивилизациях, оно помогает раздвинуть границы сопоставимости» [19]. Под вариациями исследователи понимают особенности тем, проблем, образов, возникающие в национальных литературах и обусловленные спецификой исторического контекста, местностью, национальной психологией, религией и т.п.

Изображенная в анализируемых романах действительность гораздо сложнее и не сводится к показу трагической судьбы женщины переломной эпохи. Специфические черты, которые мы обнаруживаем в героинях романов «Несчастливая Жамал» и «Женщина», являются именно вариациями на заданные темы.

М. Дулатов изображает социальное окружение Жамал, видя в нем причины трагедии героини. При этом и героиня, несмотря на свои таланты, грамотность, смелость, оказывается неспособной увидеть иные перспективы, кроме как либо быть послушной воле отца, либо сбежать с любимым человеком. История с такими вариантами выбора могла произойти и сто, и двести лет назад с подобной незаурядной девушкой. Других альтернатив Жамал не видит, поэтому она не может разомкнуть цепь следствий и после смерти возлюбленного возвращается к отцу. Он выдает ее замуж согласно прежней договоренности. Жамал не находит в себе сил сопротивляться и, главное, не ищет иного пути, альтернативного решения, словно только наличие другого мужчины, любимого человека, открывало перед ней единственную возможность избежать уготованной отцом судьбы. М. Дулатов показывает, что от Жамал требуют подписать документ, свидетельствующий о том, что она добровольно возвращается к избранному отцом жениху. Следовательно, у нее были другие варианты выбора: не возвращаться к жениху, остаться в доме отца или уехать. Лишь после недолгой жизни с нелюбимым Жуманом, не выдержав его издевательств и побоев, Жамал решается сбежать в город в надежде найти работу. Она увидела выход, путь, который подразумевал опору на себя, свои силы и знания. Героиня седлает коня и отправляется в город. Попав в буран, Жамал теряет дорогу и замерзает в снегу.

В 1910 году М. Дулатов чувствовал порыв, стремление молодежи к переменам, но понимал, что существующая реальность не дает ей перспектив. Он видел, что даже незаурядная молодежь без должного образования будет находиться в плену прежних социальных отношений. Писатель пони-

мал, что зависимость от патриархальных традиций молодежь, не умеющая видеть дальше и больше отцов, не сможет освободить народ от колониальной зависимости. Новая историческая действительность требовала новых решений. Поэтому его героиня, слишком поздно осознавшая причины своего несчастья, была обречена. Почему он не позволил ей выжить в пути, изменить свою судьбу и, тем самым, дать читателю надежду? Писатель следовал правде жизни, он не был уверен в готовности молодых людей к тому, чтобы начать менять свою собственную жизнь. Вероятно, он хотел потрясти читателей и донести мысль о необходимости вовремя решиться на перемены в своей жизни, преодолеть инерцию мышления отцов. М. Дулатов не верил в то, что погрязшее в борьбе за должности, стремящееся только к материальному благополучию поколение отцов способно вывести народ на новую дорогу. Роман «Несчастливая Жамал» прозвучал продолжением его публицистики, его призывов «К молодежи!», «Проснись, казах!», опубликованных незадолго до выхода романа.

Жамал росла в ауле и имела малое представление о том, что творится в мире и какие возможности могут существовать для нее. Для жизни в городе и способности зарабатывать себе на жизнь ей недоставало знания русского языка, который требовался в условиях колониального положения казахов. И этим обстоятельством мог быть обусловлен пессимизм М. Дулатова, который в гибели Жамал увидел правдивый, соответствующий реальности финал.

Роман произвел сильное впечатление на читателей и долго оставался одним из самых читаемых произведений среди казахских читателей. М. Дулатов использовал стихи для переписки возлюбленных, личных записей Жамал и ее последнего послания. Стихотворная форма, в которой излагались личные переживания, проложила путь к читателю, более восприимчивому к стихам, нежели прозе. Последнее послание Жамал звучит как толғау и потрясает читателя, который словно слышит предсмертную жалобу героини. Это личное обращение оказалось сильнее, чем обычное повествование о несчастной истории любви. Роман оценили и потому, что тема, сюжет были знакомы по легендам, и народ всегда сочувствовал разлученным влюбленным. Но жанр романа приближал события к современности, автор повествовал не о давно прошедшей романтической истории, а о трагедии, которая случилась сейчас, и ее причины были очевидны для читателей. Вслед за романом М. Дулатова появляются произведения современных ему казахских писателей, повествующие о судьбе женщины: Т. Жомартбаева «Смотрины» (1912), С. Кубеева «Калым» (1913), С. Торайгырова «Красавица Камар» (1914), Б. Майлина «Памятник Шуге» (1915) и др.

Йоко — героиня романа «Женщина» — имела гораздо больше возможностей для выбора пути и личного счастья по сравнению с Жамал. Образ Йоко психологически сложнее, ее трагедия была обусловлена не только социальным окружением, которое, по сравнению с казахским, было более эмансипированным, но и переживаемым ею кризисом идентичности.

Йоко во второй раз послушалась воли к тому времени умершей матери. Ослушалась не потому, что хотела избежать брака с нелюбимым человеком, а потому, что по дороге к нему в США влюбилась в другого человека. При этом она ехала в США с намерением начать новую жизнь в стране, которая, как ей казалось, подходила ей больше, чем Япония. Она, имея образование и владея английским языком, не рассматривала возможность работать и жить самостоятельно. Она ехала к жениху в надежде, что он возьмет на себя все ее проблемы, а страна пребывания обеспечит ей подходящее, как она полагала, социальное окружение. Другими словами, Йоко, отказавшись от норм традиционалистского японского общества, не была готова начать новую жизнь в США или Японии, где она свободна и самостоятельна.

Йоко вернулась в Японию, даже не сходя на американский берег, развела любимого человека с его семьей. Она живет на его содержании, при этом не отказываясь от материальной помощи, которую присылает ей жених. Это и становится итогом протеста той Йоко, которая некогда была образцом для стремящихся к эмансипации девушек. Соответствовала ли Йоко типу «новой женщины», который уже появился в начале XX века в Японии? Как показывает ее выбор, нет. «Именно девушки — духовные сестры Йоко — и стали источником вдохновения пылких, романтически настроенных молодых людей, провозглашавших новые идеи со страниц журналов «Народная литература» и «Литературный мир»» [2; 37]. Однако Йоко не стала вдохновительницей нового поколения, хотя ее лучшие годы совпали со временем, когда «консерваторы яростно спорили о нравах, о женской одежде, а в это время повсюду появлялись новые идеи... Молодежь все внимательнее приглядывалась к жизни, нетерпеливо ожидая чего-то нового, каких-то перемен в судьбах страны, — и Йоко явилась для нее воплощением этих перемен, подлинным откровением...» [2; 255]. Однако представления Йоко о свободе

и модернизации ограничились возможностью потакать своим желаниям, а образ «новой женщины» был только ее внешней оболочкой, она носила его, как европейское платье.

Важным фактором, определяющим трагедию Йоко, становится ее ментальная зависимость от западной культуры и образа жизни, стремление подражать американкам в одежде, поведенческих нормах. П. Андерер [11] и Л. Мортон [10] рассматривают проблему кризиса идентичности, которая во многом обусловила падение и крах Йоко. Не зная, как поступать со своей свободой от патриархальной семьи, заставлявшей ее «жить по старым обычаям», Йоко решила, что «ей следовало родиться в другой стране, где женщина может идти по жизни рядом с мужчиной как равная! Только в такой стране женщина может чувствовать себя свободной» [2; 37]. В своем высокомерии героиня полагает, что «ей не надо было рождаться в нынешней Японии. В гордыне своей она считала себя принцессой, сошедшей с неба в неурочный час на чужую ей землю» [2; 323-324]. Т. Арисима с иронией пишет о претензиях героини. Он был одним из первых в японской литературе XX века, кто поставил проблему слепого подражания японцев западным образцам. Об этом пишет И. Шин: «Это рождение героини в ранней современной японской литературе, которая берет США как зеркало и превращает их в эталон... Поднимая женские проблемы, в романе также иронично раскрывается беспорядочное восхищение японцев Западом, выраженное через подражание» [16; 223-224]. Исследователи отмечают, что желание японских женщин походить на европейских привело к комплексу неполноценности.

Представляя себе жизнь в Америке, Йоко озабочена тем, как она будет принята: «Как-то ее примут в обществе?... Йоко, которой гораздо больше шло европейское платье, чем японское, сумеет держаться так, чтобы не выглядеть смешной в глазах американцев...» [2; 74]. И. Шин комментирует эти размышления героини: «Вера Йоко исходит из ее стремления обладать физическими чертами «западного» тела и ее презрения к японскому телу... Американцы устанавливают как стандарт, по которому измеряется ее идентичность. Героиня, которая представляет, как она может соответствовать американцам, становится пленницей зеркала, которым являются США, самоориентирующегося и ориентализированного образа самой себя» [16; 222]. Следует отметить, что Йоко, мечтая о новой жизни в Америке, рассчитывает, что «очарование женщины там, конечно же, освобождено от оков условностей, и ей достаточно пустить его в ход, чтобы добиться успеха. Женщина там, если только у нее есть ум и способности, может без помощи мужчины заставить окружающих признать себя» [2; 74]. Она уравнивает два способа добиться успеха: 1) очаровывать мужчин, чтобы посредством этого добиться успеха; 2) использовать ум и способности, чтобы добиться признания без помощи мужчины. Первое — это то, к чему она прибегала в Японии; второе — это усвоенное ею представление о пути нового типа женщины к успеху «без помощи мужчин», которое она никогда не пыталась использовать, но мнила, что она является эталоном «новой» женщиной. Остаться в Америке и испытать свои способности в мире, где женщины свободны, она не решилась, в глубине души понимая, что ее образ «новой женщины» — не более чем маска.

Символичным представляется, что после разразившегося скандала, связанного с романом Йоко на корабле, она вместе с возлюбленным оказывается в гостинице, которую содержит бывшая гейша. Йоко, некогда претендовавшая за роль эмансипированной женщины, усвоившей западный образ жизни и отказавшейся от японского, оказывается в положении содержанки. П. Андерер отмечает, что Йоко и ее оставивший семью возлюбленный, избегая, уклоняясь от подчинения условностям буржуазии и «нормальности» среднего класса, могут идентифицировать себя или с аристократией, или с низшими классами. Исследователь заключает, что уклонения Йоко «представляют собой попытку деклассировать себя, погрузиться в среду грубой чувственности...» [11; 112].

Чувственной натуре Йоко противоречит усвоенное ею в детстве христианство. Она оказывается в пограничном состоянии, выпадая из норм традиционного японского общества, но так и не став настоящим «новой» женщиной эпохи модерна; приобщилась к христианству, но так и не приняла норм этой религии; подражая западному, как ей представлялось, образу жизни, она оставалась прежней японкой в своей зависимости от мужчин. Все новое в ней было лишь формой, не став ее сутью. Это пограничное состояние, раздвоенность, конфликт между сутью и внешним выражается в чувстве тревоги героини, ее подозрительности, ревности, припадках истерии, резких перепадах настроения. Незадолго до смерти она вспоминает своего «строгого проповедника христианства» Утиду и хочет поговорить с ним. Но он не пришел, словно отказывая ей в христианском милосердии и прощении. В этом решении Утиды слышен упрек и заметно разочарование самого Арисимы, который ко времени публикации романа пережил кризис веры, не найдя в ней опоры, и собственной идентификации.

Так же, как и Жамал, Йоко умирает с чувством горького сожаления, но она, в отличие от первой, не понимает причин своей трагедии: «Ошиблась... Мне следовало идти иным путем. Но кто виноват? Не знаю. И все равно раскаиваюсь...» [2; 333].

Публикацию первой части романа «Женщина» (1911–1913 гг.) современники встретили прохладно. Полная версия романа (1919 г.) получила больше внимания, поскольку женская тема была одной из самых дискутируемых в обществе, но все же роман не был оценен по достоинству. И. Шин полагает, что «первоначально холодный прием романа отчасти объяснялся тем фактом, что у героини были феминистские идеи, которые выходили далеко за рамки норм о женщинах того времени» [16; 219]. Позволим себе возразить, поскольку полагаем, что Йоко не являлась носителем феминистских идей, к которым нельзя сводить вольное поведение и разрыв с буржуазным окружением. При этом в японском обществе того времени уже были примеры прогрессивных женщин, которые создавали женские союзы и объединения, поднимали проблему женской эмансипации, участвовали в общественных дискуссиях, издавали феминистские журналы. Именно их пример демонстрировал, что Йоко не была типом «новой» женщины. Современницы писателя не увидели в героине романа образец для подражания. Она оставалась чуждой и буржуазной среде, и эмансипированной части общества. Н.И. Чегодарь указывает, что роман был оценен критиками после смерти Т. Арисимы, отмечающих его глубокое видение жизни переходной эпохи и точное изображение, какого еще не было в японской литературе [12; 101-102].

После публикации романа Т. Арисимы проблема женской эмансипации поднималась в романах К. Кана «Портрет дамы с жемчугами» (1921), Д. Танидзаки «Любовь глупца» (1924), в произведениях писательниц Ц. Такано «Надел печали» (1922), Ю. Миямото «Нобуко» (1926), Я. Ногами «Матико» (1930) и др.

Заключение

Эпоха модерна, вызвавшая значительные изменения в обществе, исторические события, культурные влияния, рост периодической печати являются условиями, которые привели к трансформации японской и казахской литератур. Модернизационные процессы в Казахстане и Японии включали знакомство с европейской культурой, доступ к европейскому образованию. Исторический, культурный контекст начала XX века позволяет обнаруживать схожие тенденции в развитии новой литературы в обеих странах.

Основанием для сравнения романов М. Дулатова и Т. Арисимы послужил тот факт, что японцы и казахи были вовлечены в процесс модернизации и переживали трансформацию прежнего образа жизни, а прогрессивная часть общества находилась в поиске нового пути развития. В один исторический период (рубеж XIX-XX вв.) обе нации совершали переход от прежнего патриархального состояния к модерну.

В обоих национальных литературах имеет место заимствование западных образцов и обращение к потенциалу национальных литературных традиций. Проблематика романов продиктована актуальностью для японского и казахского обществ женского вопроса, ставшего важным маркером модернизации социума.

М. Дулатов и Т. Арисима в качестве главной героини своих романов выбирают женщину, которая решается бросить вызов традиционным социальным отношениям. И Жамал, и Йоко являются яркими, сильными, незаурядными личностями, однако их личных качеств оказывается недостаточно, чтобы добиться личного счастья и социального успеха. Причиной трагедии героинь романов «Несчастливая Жамал» и «Женщина» стало положение женщины в патриархальном обществе. Таковы типологические схождения в историческом контексте и образах главных героинь романов.

При этом социально-исторические условия в Японии и Казахстане отмечены специфическими чертами. Для Японии специфика данного периода заключалась в проводимой политике обновления, названной Реставрацией Мэйдзи, которая привела страну к экономическому росту, развитию образования и крупным военным победам. Для Казахстана определяющими становятся усиливающаяся колонизация и распространение просветительских и антиколониальных идей движения джадидов.

Вариации поднятой романистами женской темы, различия, обнаруживаемые в образах главных героинь, позволяют судить о свойственных казахскому и японскому социумам специфических факторов.

Жамал понимает причины своего несчастья, но уровень ее образования и кругозор не позволяют ей увидеть альтернативные пути решения той проблемы, с которой она столкнулась. Перед ее глаза-

ми не было примера, за которым она могла бы пойти. Уступив воле отца, Жамал становится жертвой царящих в обществе социальных отношений. Её история заканчивается так же, как и подобные истории в казахских легендах и эпосах, повествующих о несчастной доле влюблённых, соединивших свои судьбы вопреки воле родителей. Роман произвел сильное впечатление на читателей именно потому, что М. Дулатов показал трагическую историю Жамал в современных условиях, заставив общество посмотреть на себя критическим взглядом.

Йоко, благодаря полученному образованию имела больше возможностей для реализации своих способностей. Однако она после разрыва с семьей и обществом не видит перспектив, переживает кризис идентичности, обусловленный ее зависимостью от западной культуры и пренебрежением японской. Ее претензия на роль эмансипированной женщины ограничивается подражанием западным, как ей представляется, стандартам поведения, умением носить европейскую одежду и эпатировать публику. Она порывает с прежним окружением, традиционалистским обществом, ценностями, но новых ориентиров и ценностей так и не приобретает.

Сопоставительный анализ образов главных героинь романов «Несчастливая Жамал» М. Дулатова и «Женщина» Т. Арисимы позволяет обнаружить их новые грани и нюансы в постановке проблемы, а также продемонстрировать вариации женской темы, художественно воплощенной в частично схожих, частично специфических социокультурных, исторических условиях.

Грантовое финансирование

Данная работа поддержана программой конкурсных исследовательских грантов НУ на 2025–2027 гг. IDs Funder Project Reference: 040225FD4711.

Список литературы

- 1 Дулатов М. Бакытсыз Жамал / М. Дулатов. — Алматы: Атамұра, 2003. — 192 б.
- 2 Арисима Т. Женщина / Т. Арисима. — М.: Художественная литература, 1993. — 351 с.
- 3 Исмакова А.С. Казахская художественная проза. Поэтика, жанр, стиль (начало XX века и современность) / А.С. Исмакова. — Алматы: Ғылым, 1998. — 394 с.
- 4 Мамраев Б.Б. Казахская литература первой четверти XX века / Б.Б. Мамраев. — 2-е изд., испр. и доп. — Астана: Фолиант, 2012. — 280 с.
- 5 Бисенгалиев З.Г. Становление казахской прозы начала XX века (дооктябрьский период): автореф. дис. ... филол. наук / З.Г. Бисенгалиев. — [Электронный ресурс] — Алма-Ата, 1983. — Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/stanovlenie-kazahskoi-prozy-nachala-xx-veka-dooktyabrskii-period>
- 6 Азмуханова А. Соотношение традиций и инноваций в журнале «Айқап» / А. Азмуханова // CONCORDE. — 2017. — № 3. — С. 86–89.
- 7 Zholseitova M.A. Some Aspects of the Activities of the Kazakh Intelligentsia in the Jadid Movement in Kazakhstan (late 19th–early 20th centuries) / M.A. Zholseitova, Sh.B. Sembiyeva // Al-Farabi Kazakh National University. Bulletin of history. — 2021. — № 1 (100). — P. 28–38. DOI: <https://doi.org/10.26577/JH.2021.v100.i1.04>
- 8 Жомарт Е. Жәдіткік ағарту қозғалысы және қазақ зиялыларының ұлттық миссиясы / Е. Жомарт, А.М. Азмуханова // Қазақстан шығыстануы: ғылыми журналы. — 2025. — Т. 14. — № 2. — Б. 389–399. DOI: <https://doi.org/10.63051/kos.2025.2.389>
- 9 Байдаров Е. Реформы эпохи Мэйдзи и казахское просвещение [Электронной ресурс] / Е. Байдаров, А. Бекебасова // Мысль. — 2017. — № 1. — С. 24–31. — Режим доступа: <https://mysl.kazgazeta.kz/news/8454>
- 10 Morton L. The Rise and Fall of a «New Woman»: Arishima Takeo's Aru Onna / L. Morton // Words and Worlds: Sydney Studies in Society and Culture. — 2013. — P. 103–116.
- 11 Anderer P. Other worlds. Arishima Takeo and the bounds of modern Japanese fiction / P. Anderer. — New York: Columbia University Press, 1984. — 152 p.
- 12 Чегодарь Н.И. Литературная жизнь Японии между двумя мировыми войнами / Н.И. Чегодарь. — М.: Восточная литература, 2004. — 222 с.
- 13 Lippit N.M. Reality and Fiction in Modern Japanese Literature / N.M. Lippit. — London, New York: Routledge Taylor & Francis, 2018.
- 14 Groom R.M. Modern Japanese Writers Encounter the West: The Impact of Experiences Abroad of Nagai Kafū And Arishima Takeo / R.M. Groom. — A thesis of Master of Arts in Japanese. University of Canterbury, 2008.
- 15 Suter R. Holy Ghosts: the Christian Century in Modern Japanese Fiction / R. Suter. — Honolulu: University of Hawai'i Press, 2015. — 194 p.

- 16 Shin I. A Narrative of Those on the Move: The Case of Takeo Arishima / I. Shin // *Kritika Kultura*. — 2017. — № 28. — Article 12. — P. 213–231. <https://doi.org/10.13185/1656-152x.2117>
- 17 Забережная О.А. Идеология литературного объединения «Сиракаба»: авторефер. дисс. ... канд. культурологии / О.А. Забережная. — [Электронный ресурс]. — 2016. — Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/ideologiya-literaturnogo-obedineniya-cirakaba>
- 18 Spivak G.Ch. Death of a discipline / G.Ch. Spivak. — New York: Columbia University Press, 2003. — 128 p.
- 19 Han Zh. Reflections on the Crisis of Comparative Literature in the Contemporary West [Electronic resource] / Zh. Han, W. Quan // *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*. — 2017. — 19.5. — Access mode: <http://docs.lib.purdue.edu/clcweb/vol19/iss5/9>
- 20 Zepetnek S.T. Synopsis of the Current Situation of Comparative Humanities in the U.S. and Europe [Electronic resource] / S.T. Zepetnek, L.O. Vasvári // *452°F: Electronic journal of theory of literature and comparative literature*. — 2011. — № 5. — P. 13–31. Access mode: <http://www.452f.com/index.php/en/totosy-vasvari.html>
- 21 Guillen C. The challenge of comparative literature / C. Guillen. — Cambridge, Massachusetts, and London, England: Harvard University Press, 1993. — 450 p.
- 22 Движение Алаш. Сборник материалов судебных процессов над алашевцами [в 3-х т.]. — Алматы: «Ел-шежіре», 2011. — Т. 1: Документы, допросы и ответы. Синхронные переводы. Материалы судов. Конфискованные письма. — 415 с.
- 23 Попов Ю. Акбаев из Каркаралинска / Ю. Попов // *Индустриальная Караганда*. — 1991.

А. Мустояпова, Ж. Әбдіғаппарова

Әйел бейнесі: Міржақып Дулатовтың «Бақытсыз Жамал» мен Такэо Арисиманың «Әйел» романдарының салыстырмалы талдауы

Мақалада Міржақып Дулатовтың «Бақытсыз Жамал» мен Такэо Арисиманың «Әйел» романдарының бас кейіпкерлерінің бейнелеріне типологиялық ұқсастықтары мен айырмашылықтары тұрғысынан салыстырмалы талдау жасалған. Мақала авторлары талданып отырған романдардың жазылған уақытындағы тарихи, әлеуметтік, мәдени контекстеріне ерекше назар аударады. Сонымен қатар романистердің публицистикалық қызметіне баса назар аударылып, олардың дүниетанымдық және шығармашылық ұстанымдарын айғақтайды, бұл романдардың идеясын толық түсінуге және басты кейіпкерлердің бейнелерін түсіндіруге мүмкіндік береді. Зерттеудің мақсаты М. Дулатовтың «Бақытсыз Жамал» мен Т. Арисиманың «Әйел» романдарына тән жалпы және ерекше қасиеттерін басты кейіпкерлердің бейнелері арқылы айқындау. Аталған мақсатқа мәдени-тарихи контекст ерекшелігін анықтау, М. Дулатов пен Т. Арисиманың көзқарастарындағы әлеуметтік-этикалық түсініктеріндегі сәйкестіктер мен айырмашылықтарды айқындау, қоғам мен еуропалық әдебиетті модернизациялау процесінің романистерге әсер ету дәрежесін белгілеу, әйелдер тақырыбын айқын көрсетудегі типологиялық ұқсастықтар мен айырмашылықтарды зерттеу арқылы қол жеткізеді. Зерттеу әдістеріне компаративтік талдау, мәдени-тарихи және тарихи-функционалдық әдістер, контекстік талдау, сондай-ақ контексті талдауға белгілі бір тарихи кезеңде әдебиеттің жұмыс істеуіне, талданып отырған романдардағы басты кейіпкерлер бейнелерінің семантикасын ашуға мүмкіндік беретін семантикалық, интерпретациялық және гендерлік тәсілдер жатады. Жұмыстың өзектілігі ұлттық әдебиеттер арасындағы әдеби байланыстарды зерделеудің, олардың тарихи дамуындағы ортақ және бірегей нәрселерді анықтаудың маңыздылығымен айқындалады. Мақала мәдени-тарихи жағдайлары жағынан ұқсас келгенімен, әр түрлі елдерде жазылған жазушылар шығармаларындағы мәселелер мен тақырыптарға, әдеби жанрларды дамытуға әлеуметтік-мәдени контекст әсерінің заңдылықтары туралы түсінікті кеңейтеді. Бұл мақаланың ғылыми жаңалығы радикалды әлеуметтік өзгерістер, мәдени парадигманың өзгеруі, ұлттық бірегейліктің өзгеруі кезеңінде жаңа ұлттық әдебиеттердің пайда болуының бастауында тұрған екі автордың романдарын салыстырмалы талдау. Қазіргі заманғы салыстырмалы әдебиет танудың жаңа үрдістерін пайдалану талдап отырған романның жаңа қырларын ашуға мүмкіндік берді. Зерттеу нәтижелері тек типологиялық сәйкестік фактілерін ғана емес, сонымен қатар екі романның бірегейлігін, Жапония мен Қазақстандағы әдеби процестің ерекшелігін, ХХ ғасырдың басында қоғамды модернизациялаудың жүріп жатқан процесін айқындау үшін компаративтік талдаудың жемісті екендігін көрсетті. Сонымен қатар мақалада қабылданған талдау нәтижелері компаративтік зерттеулер шеңберінде әдеби байланыстар мәселесін одан әрі дамыту үшін қолданылуы мүмкін.

Кілт сөздер: модерн, эмансипация, жаңашылдық, типологиялық ұқсастық, вариативтілік.

A. Mustoyapova, Zh. Abdigapbarova

The Image of a Woman: A Comparative Analysis of the Novels by Myrzhakyp Dulatov “Unhappy Jamal” and Takeo Arishima “A Certain Woman”

This article presents a comparative analysis of the main female characters in the novels “Unhappy Jamal” by Myrzhakyp Dulatov and “A Certain Woman” by Takeo Arishima, with the aim of identifying typological similarities and differences. Special attention is given to the historical, social, and cultural contexts in which the analyzed works were created. In addition, emphasis is placed on the journalistic activities of the novelists, which reflect their worldview and creative stance, allowing for a deeper understanding of the authors’ intentions and a more nuanced interpretation of the main heroines. The aim of the study is to identify the common and distinctive features of the novels “Unhappy Jamal” by M. Dulatov and “A Certain Woman” by T. Arishima through the lens of their main female characters. To achieve this goal, the research examines the characteristics of the cultural and historical context, reveals similarities and differences in the authors’ views and socio-ethical perspectives, determines the extent to which social modernization and European literature influenced their work, and explores typological parallels and divergences in the treatment of the theme of women. The research methods include comparative, cultural-historical, and historical-functional approaches, as well as contextual analysis, along with semantic, interpretative, and gender-based methods. These approaches make it possible to analyze the functioning of literature within a specific historical period and to uncover the semantics of the main female characters in the novels under study. The relevance of this study lies in the importance of examining literary connections between national literatures and identifying both the common and the unique elements in their historical development. The article broadens the understanding of the patterns through which the sociocultural context influences the evolution of literary genres, themes, and issues in the works of writers who operated in different countries but under similar cultural and historical conditions. The scientific novelty of this article lies in its comparative analysis of the works of two authors who stood at the origins of the emergence of new national literatures during a period of radical social transformation, cultural paradigm shifts, and changes in national identity. The application of new trends in modern comparative literary studies has made it possible to reveal new facets of the analyzed novels. The results of the study demonstrate the productivity of comparative analysis not only in identifying typological parallels, but also in more clearly highlighting the uniqueness of both novels, the specific features of the literary processes in Japan and Kazakhstan, and the ongoing modernization of society at the beginning of the twentieth century. The findings of this article may serve as a foundation for further research into literary interrelations within the framework of comparative studies.

Keywords: modernism, emancipation, innovation, typological similarity, variability.

References

- 1 Dulatov, M. (2003). *Baqysyz Zhamal* [Unhappy Jamal]. Almaty: Atamura [in Kazakh].
- 2 Arishima, T. (1993). *Zhenshchina* [A Certain Woman]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura [in Russian].
- 3 Ismakova, A.S. (1998). *Kazakhskaiia khudozhestvennaia proza. Poetika, zhanr, stil (nachalo XX veka i sovremennost)* [Kazakh fiction. Poetics, genre, style (early twentieth century and modernity)]. Almaty: Gylym [in Russian].
- 4 Mamraev, B.B. (2012). *Kazakhskaiia literatura pervoi chetverti XX veka* [Kazakh literature of the first quarter of the twentieth century]. 2nd ed., rev. and additional. Astana: Foliant [in Russian].
- 5 Bisengaliev, Z.G. (1983). *Stanovlenie kazahskoj prozy nachala XX veka (do oktiabr'skii period)* [Formation of Kazakh prose at the beginning of the 20th century (pre-October period)]. *Extended abstract of candidate's thesis*. Alma-Ata [in Russian]. Retrieved from <https://www.dissercat.com/content/stanovlenie-kazahskoi-prozy-nachala-xx-veka-dooktyabrskii-period>
- 6 Azmuhanova, A. (2017). Sootnoshenie traditsii i innovatsii v zhurnale «Aikap» [The balance between tradition and innovation in the magazine «Aikap»]. *CONCORDE*, 3, 86–89 [in Russian].
- 7 Zhorseitova, M.A., & Sembiyeva, Sh.B. (2021). Some Aspects of the Activities of the Kazakh Intelligentsia in the Jadid Movement in Kazakhstan (late 19th–early 20th centuries). *Al-Farabi Kazakh National University. Bulletin of history*, 1 (100), 28–38. <https://doi.org/10.26577/JH.2021.v100.i1.04>
- 8 Zhomart, E. & Azmukhanova, A.M. (2025). Jäditik aǵartu qozǵalysy jáne qazaq zialylarynyñ ultiq misiasy [The Jadid Enlightenment Movement and the National Mission of Kazakh Intellectuals]. *Қазақстан шығыстануы: ғылыми журналы — Kazakhstan Oriental Studies: Scientific Journal*, 14(2), 389–399. DOI: <https://doi.org/10.63051/kos.2025.2.389>
- 9 Bajdarov, E. & Bekebasova, A. (2017). Reformy epokhi Meidzi i kazahskoe prosveshhenie [Meiji Reforms and Kazakh Enlightenment]. *Mysl — Thought*, 1, 24–31. Retrieved from <https://mysl.kazgazeta.kz/news/8454> [in Russian].
- 10 Morton, L. (2013). The Rise and Fall of a «New Woman»: Arishima Takeo’s Aru Onna. *Words and Worlds: Sydney Studies in Society and Culture*, 103–116.
- 11 Anderer, P. (1984). *Other worlds. Arishima Takeo and the bounds of modern Japanese fiction*. New York: Columbia University Press.

- 12 Chegodar', N.I. (2004). *Literaturnaia zhizn Yaaponii mezhdu dvumia mirovymi voynami* [Literary Life in Japan between the Two World Wars]. Moscow: Eastern literature [in Russian].
- 13 Lippit, N.M. (2018). *Reality and Fiction in Modern Japanese Literature*. London, New York: Routledge Taylor & Francis.
- 14 Groom, R.M. (2008). Modern Japanese Writers Encounter the West: The Impact of Experiences Abroad of Nagai Kafū And Arishima Takeo. *A thesis of Master of Arts in Japanese*. University of Canterbury.
- 15 Suter, R. (2015). *Holy Ghosts: the Christian Century in Modern Japanese Fiction*. Honolulu: University of Hawai'i Press.
- 16 Shin, I. (2017). A Narrative of Those on the Move: The Case of Takeo Arishima. *Kritika Kultura*, 28, Article 12, 213–231. <https://doi.org/10.13185/1656-152x.2117>
- 17 Zaberezhnaja, A.O. (2016). Ideologiya literaturnogo obedineniia «Sirakaba» [The ideology of the literary association “Shirakaba”]. *Extended abstract of candidate's thesis*. Retrieved from <https://www.dissercat.com/content/ideologiya-literaturnogo-obedineniya-cirakaba> [in Russian].
- 18 Spivak, G.Ch. (2003). *Death of a discipline*. New York: Columbia University Press.
- 19 Han, Zh., & Quan, W. (2017). Reflections on the Crisis of Comparative Literature in the Contemporary West. *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*, 19.5. Retrieved from <http://docs.lib.purdue.edu/clcweb/vol19/iss5/9>
- 20 Zepetnek, S.T., & Vasvári, L.O. (2011). Synopsis of the Current Situation of Comparative Humanities in the U.S. and Europe. *452°F: Electronic journal of theory of literature and comparative literature*, 5, 13–31. Retrieved from <http://www.452f.com/index.php/en/totosy-vasvari.html>
- 21 Guillen, C. (1993). *The challenge of comparative literature*. Cambridge, Massachusetts, and London, England: Harvard University Press.
- 22 (2011). *Dvizhenie Alash. Sbornik materialov sudebnykh protsessov nad alashevtsami* [Alash Movement. Collection of materials from the trials of the Alashites]. (Vols. 1-3). Vol. 1: Dokumenty, doprosy i otvety. Sinkhronnye perevody. Materialy sudov. Konfiskovannye pisma [Documents, interrogations and answers. Simultaneous translations. Court materials. Confiscated letters]. Almaty: «El-shezhire» [in Russian].
- 23 Popov, Y. (1991). Akbaev iz Karkaralinska [Akbaev from Karkaralinsk]. *Industrialnaia Karaganda — Industrial Karaganda* [in Russian].

Information about the authors

Mustoyapova Ainash — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Karaganda Buketov University, Karaganda, Kazakhstan; e-mail: mustoyapova2017@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5658-9844>

Abdigapbarova Zhanar — Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor, Nazarbayev University, Astana, Kazakhstan; e-mail: zhabdigapar@nu.edu.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2349-3541>